

Рецензия на книгу:

Леонтьев Я. В. «Скифы» русской революции. Партия левых эсеров и ее литературные попутчики. М., 2007. 328 с.

Автор книги – московский историк, специалист по левозероветскому движению – среди литературоведов известен как участник научно-исследовательской группы, связавшей свои творческие усилия с возвращением в науку имени Р. В. Иванова (псевдоним Иванов-Разумник), выявлением истинного места этого выдающегося литературного критика и идеолога неонародничества в истории отечественной культуры и общественной мысли. Эти две сферы научных интересов автора, сойдясь в пространстве рецензируемой монографии, продиктовали ее структуру: первая часть – о судьбе партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) в «звездный» и одновременно закатный период ее жизни (1917–1919 гг.); во второй части исследуется характер взаимоотношений ПЛСР и сочувствующей ей группы левонароднической художественной интеллигенции во главе с Ивановым-Разумником, вошедшей в историю культуры под именем «скифского» творческого содружества. Особое внимание уделено истории возникновения и недолгой жизни Вольной Философской Ассоциации (именуемой иногда «скифской академией»), возникшей в качестве альтернативы Социалистической Академии общественных наук, монополизированной с момента создания марксистами.

О ПЛСР и по сей день осведомлен достаточно узкий круг специалистов, занимающихся историей политических партий накануне Октября. Научно-практическая значимость работы Я. Леонтьева заключается в том, что с опорой на внушительное количество документальных и архивных источников, извлеченных из многих центральных и местных хранилищ, автор не только объясняет притягательность программы этой «по-настоящему массовой» партии, заявившей себя выразителем интересов самого многочисленного трудового

класса России – крестьянства и декларировавшей идею консолидации *всех трудящихся сословий*, но и успешно реализует намерение представить партию левых эсеров как мощную политическую альтернативу большевикам.

Главная задача книги – как ее определяет сам автор – раскрыть взаимозависимость левозероветского движения с событиями культурной жизни, активизировавшими, в частности, такое самобытное явление, как «революционное скифство». Творчество писателей этой группы предстает в исследовании не столько проявлением собственно литературного процесса, сколько – живой иллюстрацией напряженнейшей общественно-политической жизни в стране, непредсказуемо неожиданных идеологических контактов, наконец, как своеобразное и трудно поддающееся расшифровке звено отечественной политической культуры.

Подобная постановка вопроса органична и исторически естественна для русской литературы. Еще полтора века назад от событий, представляемых монографией, князь П. А. Вяземский, фиксируя необратимые процессы, происходившие в отечественной словесности, среди прочих отметил ее политизацию. Так складывалась русская культура, что литература всегда оказывалась естественным образом приобщена к жизни политического сознания и жила в круге политических интересов. История «скифского» содружества – живая иллюстрация контакта подобного рода.

Сюжеты, связанные с формами и масштабами проявления «скифского» мифа в русской культуре рубежа XIX – начала XX в., реконструкцией его полной «творческой биографии», при явном всплеске интереса к ним последнего пятнадцатилетия слабо разработаны в историографии и истории культуры. Автор монографии избирает необычный ракурс интерпретации творче-

ской активности «скифов» в означенный период, а именно, – с позиций выявления и конкретизации политических симпатий и ориентиров этой группы, убедительно доказывая факт *делового сотрудничества* «революционных скифов» с жизнедеятельностью партии левых эсеров, в периодических изданиях которой они чаще всего публиковались.

Тип книги Я. Леонтьева несколько необычен по исследовательской тактике (как для исторических, так и для литературоведческих сочинений). Реализованный в пространстве междисциплинарных контактов, труд осуществляет параллельную реконструкцию истории ПЛСР и «скифского» содружества во главе с Ивановым-Разумником.

Первая часть монографии представляет развернутую и детализированную картину состояния ПЛСР в момент обострения отношений с большевиками накануне и после событий Октября. Работа решает вопросы периодизации левоэсеровского движения, характеризуются вехи партийного строительства, работа и тактика левоэсеровской фракции на совместных с большевиками заседаниях ВЦИКа. С учетом обширной доказательной базы прослеживается общая динамика роста ПЛСР как самой массовой в ту пору политической организации; приводятся интересные данные об усилении партии на окраинах бывшей империи вплоть до Туркестана и Дальнего Востока. Специальная глава освещает трагедию 6 июля 1918 г. (убийство Мирбаха) и ее последствия. К этому событию автор вернется во второй, «скифской» части книги, где в специальной главе речь пойдет о последствиях июльского теракта для группы литераторов, оказавшихся за решеткой. Автор освещает размах издательской деятельности партии, приводя поражающие воображение цифры: миллионными тиражами выходила не только литература общественно-политической тематики – издательство «Революционный социализм» при ЦК ПЛСР печатало книги поэтов «скифского» направления («Голубень» С. Есенина, «Зарево» П. Орешина, отдельной брошюрой были изданы «Двенадцать» и «Скифы») с тридцатистраничным предисловием Иванова-Разумника («Испытание в грозе и буре»), предоставляя им страницы партийной периодической печати.

Привлекательную сторону книги составляет включенность в ее содержание так называемого «человеческого фактора», находящего выражение в обилии приводимых имен, конкретных сведений о лицах, причастных к деятельности партии ЛСР и «скифского» содружества, выразительных биографических подробностей, касающихся их судеб.

«Романтики революции», пассионарные личности, для которых осуществление цели представлялось иногда ценнее собственной жизни – такова была эта юная «партия риска», возрасту которой соответствовал и средний возраст ее членов: от 25 до 30 лет. Если добавить, что это были, быть может, единственные политики, эстетизировавшие революцию, то становится понятным, почему именно этой партии оказались отданными политические симпатии Андрея Белого, А. Блока и других «скифов двадцатых годов».

Ошибками было бы трактовать содержание первой части монографии исключительно как историю ПЛСР в пространстве 1917–1919 гг. – оно воссоздает «социальное время», а шире – «текст жизни», ту политическую сложную и многомерную повседневность, которая формировала особое идеологическое пространство, активизировавшее на новый лад «скифский миф» русской культуры.

Выбором темы: политическая партия и ее литературные попутчики автор расширил тематический «ассортимент» исторических исследований, лишней раз подтвердив, что предмет истории – *процесс жизни людей*, общественных и социальных групп, наконец, – жизнь индивида в ее конкретной предметности. Монография Я. Леонтьева – первое исследование, ставящее задачей выяснение истинного характера отношений группы литераторов, нарекших себя «скифами», с левоэсеровским движением.

Среди людей, захваченных идеями «скифства», оказались Андрей Белый и А. Блок, Н. Клюев, С. Есенин, П. Орешин, К. Эрберг (К. А. Сюнненберг), близки к «скифству» и «скифским» идеям были М. Пришвин, А. Ремизов, Е. Замятин, А. Ганин, О. Форш, А. Чапыгин, А. Ширяевец, Л. Шестов, К. Петров-Водкин, О. Мандельштам, Б. Пастернак, В. Станевич и др.

Группировка заявила о себе как об *эстетической целостности* в августе 1917 г., когда вышел первый сборник «Скифы», посвященный войне. Второй, посвященный

революции, тогда уже печатался и увидел свет в январе 1918 г. В дальнейшем все силы сборников были перенесены в периодическую печать, что объясняется лихорадочным убыстрением жизни тех лет: «Эпохи сменились за эти два года», – скажет об этом времени Иванов-Разумник.

Одну из лучших характеристик «скифства», объясняющую притягательность его как специфической формы реакции на происходящее в стране, дал оппонент «скифства» – Н. А. Бердяев: «Скифская идеология народилась у нас во время революции. Она явилась формой одержимости революционной стихией людей, способных к поэтизированию и мистифицированию этой стихии». Это было, действительно, своеобразное романтическое мироощущение, замешанное на вере в силу стихии, движимое идеей духовного преображения.

Центральной фигурой левонароднической интеллигенции стал Иванов-Разумник, реализовавший идеи «скифства» в своеобразной теории «духовного максимализма», толковавшей современные события как великую «духовную революцию», творимую во имя обновления человека. В духе революционного почвенничества критик интерпретировал «Двенадцать» и «Скифов», считая их логическим продолжением традиций русского антилиберализма, ведущего начало от Пушкина, Тютчева, Вл. Соловьева. Объясняя странный союз этого радикально мыслящего неонародника с элитой отечественного символизма, один из историков русской литературы увидел разгадку вопроса в «любопытном скрещенье, – как он выразился, – «общественных» и метафизических забот» присущих трудам Иванова-Разумника (Д. С. Мирский).

Личность Иванова-Разумника – идеолога и вдохновителя «скифского» содружества – то цементирующее начало, которое позволило автору монографии объединить исходный источниковый материал, придав всему своему труду идейно-содержательную целостность.

Образ скифа – варвара, несущего очистительную бурю в ветхий старый мир, стал символическим воплощением революционных и нигилистических тенденций в его особом варианте. Процесс формирования «скифской» идеологии не был одномоментным. Иванов-Разумник возводил его революционную генеалогию к середине XIX в.

К рубежу XIX–XX вв. исходное понятие обогащается дополнительными оттенками, представляя собой сложносоставный смысловой спектр: скифство, панмонголизм, варвар, гунн, «новые варвары», «благородные варвары». В творчестве Вл. Соловьева, В. Брюсова, Вяч. Иванова, Андрея Белого, А. Блока языком искусства формулируется суть «скифского мифа», складывается «скифский сюжет», разрабатывается «скифская» тема, связанная с мотивом вечного движения, непокоя, чувством жертвенной мистерии и требованием безграничных свобод и вольностей.

Понятие «скиф» вовсе не ассоциировалось в идеологии этого течения с понятием «варварство» или «азиатчина». «Скифство» представлялось свежей обновляющей струей «белой расы», отождествляемой то с гиперборейями, то с античным восприятием Скифии как страны Севера, то прямо с Россией и ее необычной мессианской ролью в мировой истории.

Говоря об идеологической составляющей «скифства», подчеркнем, что эта идеология сложилась не на путях политической мысли, а в русле историсофских размышлений о метафизике русского характера в его историческом движении, как своеобразное историсофское толкование таких явлений, как катастрофизм, динамизм мирового исторического процесса.

«Скифство» объясняет характер восприятия революции частью российской художественной интеллигенции: интерес к «скифству» активизировала необходимость понять и объяснить происходящее, так разительно отличавшееся от идеальных представлений о нем. Необходим был символ, соединяющий индивидуальное чувство не просто с общественным, но *национально-общественным*, объясняющий происходящее и предлагающий ориентиры будущего. Так оформляется концепция революции Духа, великого теургического действия, конечная цель которого – преображение мира. Революция трактуется и воспринимается как путь воскрешения и возрождения, как «духовная революция», главная и основная задача которой – принципиальное обновление человека.

Необходимость «обжить» революцию, приблизить ее в знаковых образах и архетипах, выявить мотивы, созвучные системе национальных эстетических представлений,

позволили обратиться к старой мифологеме «скифство», объясняющей амбивалентность происходящего и его истоков. Помимо изначального чувства «особости» и ощущения предельного состояния мира, эта мифологема реализовала установку на особое жизне-творчество: нового мира, новой культуры. Таким образом, срабатывал своеобразный эффект воронки: от широкого универсального культурологического смысла – к возможной исторической его конкретизации. Этим обстоятельством объясняется и терпимо-настороженное отношение властей к корпорации вольных «скифов», народническая закваска которых была не так просто различима под слоем «скифской» символики, вполне искренних лозунгов и призывов, вещавших смерть старому миру.

Российская жизнь первых послеоктябрьских лет настоятельно требовала от каждого творчески мыслящего гражданина четкого идеологического, и, в первую очередь, политического самоопределения. В обстановке предельной активизации политической жизни левозсеровский вариант оказался всего ближе группе художников, нарекших себя «скифами». Понятие «попутчик», взятое автором монографии из литературного лексикона 1920-х гг., точно отражает характер отношений, сложившихся между «скифами» и левыми эсерами: не формального, но мировоззренческого родства. «Не состоял», «не входил», «не принадлежал» и т. д. – эти утверждения, цитируемые по дневникам, воспоминаниям, записным книжкам, письмам и проч., фиксируют «непартийность» (Иванов-Разумник) «скифов», опровергая ныне редкие, но имеющие место суждения о том, что это была «интеллектуальная фракция партии ЛСР» (Ж. Нива). Партийной «фракцией» «скифы» не были никогда. Не усматривая необходимости в партийном членстве, отвергая политические ярлыки, они подчеркивали свою близость к идеологии народничества, подтверждая тем самым внутреннее мировоззренческое постоянство. С опорой на широкий источниковый материал и хронологическую соотнесенность литературных и политических событий, Я. Леонтьев убедительно доказывает факт неопровержимой идеологической близости и наличие прочных деловых контактов «скифского» содружества с жизнедеятельностью ПЛСР в то сложное для России время, когда оставаться вне политики в опро-

вержение известной сентенции Ф. Меринга – «поэт и политик живут под разными звездами» оказалось невозможно.

Вторая часть рецензируемой книги посвящена целиком «литературным попутчикам» партии левых эсеров: автор выясняет формы контактов, скрупулезнейшим образом прослеживает факты сотрудничества литературных «скифов» с различными левозсеровскими изданиями, детально портретируется раскол между участниками «скифских» сборников после июльских событий 1918 г., предметом специального внимания становятся записные книжки А. Блока, отражающие факт очевидной причастности поэта к политической жизни страны.

Долгие годы левозсеровские симпатии А. Блока, Андрея Белого и других «скифов» не только не афишировались, но чаще скрывались, оказываясь замененными аморфно-обтекаемыми утверждениями типа: «сочувствовали революции». Утверждение возражений не вызывает, но политическая палитра тех лет была столь сложна и многообразна, что сам факт «сочувствия революции» без конкретизации мало что проясняет и в понятии «революционная настроенность»: вне уточняющих контекстов последняя расшифровывается как «общественный темперамент».

Левозсеровские симпатии писателей этой группы и контакты разного рода (личные, деловые) не только никогда не становились объектом специального исследования, но представлялись в редуцированном, искаженном виде как случайные и временные контакты «скифов» с этой партией.

Выдержанная в спокойных академических тонах, книга Я. Леонтьева тем не менее исполнена внутреннего оппонирующего пафоса, продиктованного задачей реконструировать *историческую истину* в отношениях литературных «скифов» с партией левых эсеров.

Левозсеровские издания: ежемесячный журнал «Наш путь» («Литературно-политический журнал революционного социализма»), литературный отдел газеты «Знамя Труда» (там будут напечатаны «Двенадцать» и «Скифы») – вот те печатные органы ПЛСР, которые, предоставив свои страницы «скифам» в канун Октября и в первые послеоктябрьские месяцы, стали их главными трибунами. Выступая на вечере памяти А. А. Блока, Иванов-Разумник

отметит: «...левые эсеры были тогда единственной политической партией, понявшей все глубокое значение культуры вне всякой политики... эти “политики” поняли, перед каким мировым явлением они стоят, когда впервые читали “Двенадцать” и “Скифов” Блока». Именно в «скифской» периодике впервые увидели свет статья «Интеллигенция и революция» А. Блока, роман Андрея Белого «Котик Летаев», его поэма «Христос Воскрес», «Слово о гибели Русской земли» А. М. Ремизова, многие стихотворения Н. А. Клюева и С. А. Есенина 1916–1918 гг. На этом блистательном фоне в «скифских» изданиях бросается в глаза огромный пласт эссеистики, публицистики, критики, интенсивнейшая разработка историко-филологических, этических, эстетических проблем.

Разговор о взаимоотношениях «революционных скифов» с ПЛСР не прост по той причине, что при неоспоримой притягательности многих пунктов программы левоэсеровская партия всегда отталкивала идеологически близких «попутчиков» («народные социалисты», либеральные народники и др.) своей декларативной приверженностью к насилию. Автор монографии, отмечая линии координат, в которых шла сознательная политическая и историческая самоидентификация левых эсеров, указывает: с одной стороны – «Дантоново и Робеспьерово начало в революции», другая линия – стихия русского бунта, Пугачевщина. «Мужицкий разбой мне по душе», – напишет в письме к Иванову-Разумнику М. Спиридонова весной 1918 г.

Даже на афишах творческих вечеров, проводимых с участием А. Блока, С. Есенина, чтением стихов Н. Клюева и др., в презентации организатора подчеркивалось: «Всероссийская военная организация левых социалистов-революционеров», «Боевая организация “левых с-р”».

Очарование силы и мощи, своеобразная эстетика необузданного волевого начала очаровывали до тех пор, пока не полилась кровь. Автор монографии детальнейшим образом выявляет и скрупулезно фиксирует сложную динамику отношений внутри «скифской» группы на всем протяжении ее существования, подчеркивая, что уже второй сборник «Скифов», с опубликованным в нем «Словом о гибели Русской земли» А. М. Ремизова разительно отличался от первого. Драма заключалась и в меняющихся политических

симпатиях Н. Клюева, А. Ремизова, особенно – М. Пришвина и Е. Замятина.

Содружество распалось, как только революция явила свой бесчеловечный лик. Потрясением стал расстрел демонстрации в поддержку Учредительного Собрания и особенно убийство в Мариинской тюремной больнице матросами и красногвардейцами Шингарева и Кокошкина – бывших министров Временного правительства. «Демоны вышли из адской норы», – запишет в дневнике Иванов-Разумник. И продолжит: «...их надо одолеть, не поступаясь революцией». Но последовать этому совету оказалось почти невозможно.

После ареста и июльской катастрофы 1918 г. А. Блок никогда уже не вернется к тем оптимистическим взглядам, которые он прежде с таким воодушевлением разделял с Ивановым-Разумником. Идеологически они стали чужды друг другу. Со своей стороны, и радикальный критик не соглашался с мыслями поэта о кризисе гуманизма.

Идейные расхождения внутри «скифского» лагеря были обусловлены острой необходимостью политической самоидентификации в меняющейся на глазах общественной ситуации. Трагическая и кровавая эмпирика жестокой повседневности требовала от «скифов» не только объяснения и глубинного понимания сущности происходящего, невозможного для них, но и нравственного оправдания поступков, порывающих с фундаментальными человеческими ценностями.

Предметом специального внимания автора становятся записные книжки А. Блока за 1918 г. Это период, когда поэт создал свои важнейшие революционные произведения – статью «Интеллигенция и революция», поэму «Двенадцать» и «Скифов». Напомним, что знаменитая поэма и по сей день – предмет загадки для мирового читателя. Включив ее в «Индекс запрещенных книг», Ватикан указал: «только для тех, у кого хватает культуры разобраться во всех ее сложностях».

Дневники и записные книжки Блока насыщены записями и заметками, свидетельствующими не только о степени остроты, с которой поэт переживал происходящее, но и об *активной включенности его в общественную жизнь*. Особого внимания удостоиваются зафиксированные в записях многочисленные посещения поэтом редакций

левоэсеровских изданий, участие его в редакционных заседаниях газеты «Наш Путь», факты личных контактов поэта с эсерами, выступления перед рабочими и проч. Последовательно перечитывая личные записи поэта, автор книги доказывает, что Блок разбирался в политической обстановке своего времени значительно лучше, чем это представлено многими современными исследованиями его творчества.

При этом хотелось бы заметить, что дневниковые записи – это *текст особого рода*, вне учета особенностей которого он не может быть понят во всей полноте скрытых в нем смыслов. К сожалению, интерес к записным книжкам уступает место авторскому интересу к левоэсеровскому политическому контексту, который по сути и является многолетним объектом научного интереса и сердечной привязанности Леонтьева-историка.

Я. Леонтьев проделал скрупулезную историографическую работу, собрав и систематизировав богатый документальный материал. Ни связь между «скифами»

и изданиями левых эсеров, ни перемена в их настроениях после июля 1918 г. не освещались в советских исследованиях по истории русской литературы, хотя «скифский миф», «скифская тематика» оказались тем центром, в котором неожиданным образом соединились историософские концепции, радикальная революционность и реальная политическая практика исторического времени.

Этот пробел в изучении связей между русской литературой и политической атмосферой 1917–1919 гг. частично компенсирован рецензируемой книгой, хотя сказать о взаимозависимости двух идеологий – «скифской» и левоэсеровской – можно еще многое.

Н. Н. Соболевская
канд. филол. наук, доцент кафедры
русской литературы XIX–XX вв.
Новосибирского государственного
университета